

СУД
ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА

ОБЗОР ВЛИЯНИЯ ПРАКТИКИ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
НА НОРМОТВОРЧЕСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ
ПРАКТИКУ В ЕАЭС

Введение

За время работы Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд) сформировал обширную практику рассмотрения споров, возникающих по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор, Союз), международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза (далее – право Союза), а также заявлений о разъяснении права Союза.

Настоящий обзор посвящен влиянию сформулированных Судом ЕАЭС правовых позиций на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) и государств – членов Союза, включая их восприятие судебными органами.

I. Учет правовых позиций Суда ЕАЭС судебными органами

Высшие судебные органы Республики Казахстан и Российской Федерации сформулировали позицию, согласно которой национальные судебные органы должны учитывать практику Суда ЕАЭС при толковании права Союза.

Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 года № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (действовал до принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза») устанавливал:

«Решения и распоряжения постоянно действующего регулирующего органа Союза - Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве - члене Союза, на основании статей 6 и 32 Договора.

Применяя соответствующие нормы права Союза, принятые в сфере таможенного регулирования, судам также следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные в соответствии с пунктом 39 Статута Суда по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных

международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» была сформулирована правовая позиция, согласно которой при «толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также по иным вопросам, отнесенным к его компетенции согласно главе IV Статута Суда».

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 года № 7 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» содержит следующие положения:

«3. Судам следует иметь в виду, что на решения постоянно действующего регулирующего органа ЕАЭС – Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), принятые в рамках ее полномочий, распространяются положения статьи 4 Конституции о приоритете ратифицированных Республикой Казахстан международных договоров перед ее законами.

4. Согласно пункту 99 Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года) акты Суда ЕАЭС, вынесенные в соответствии с его компетенцией, обязательны для исполнения сторонами спора, по которому они вынесены. В этой связи акты Суда ЕАЭС должны учитываться судами при разрешении споров, связанных с применением норм права ЕАЭС, соответствие которых Договору о ЕАЭС было предметом рассмотрения в Суде ЕАЭС».

Решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года и Апелляционной палаты от 2 июня 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад»¹

Суд рассмотрел обращения хозяйствующего субъекта по вопросу признания решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров не соответствующими международным договорам в рамках Союза. В указанных судебных актах Суд ЕАЭС последовательно выработал правовые позиции об основных критериях классификации товара. В решениях по делу по заявлению ООО «Севлад» Суд указал, что основным критериями классификации товара являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к частим или группам. Предполагаемое назначение товара также представляет собой критерий при классификации для таможенных целей.

Указанные правовые позиции восприняты российскими судебными органами.

Так, в постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 17 июля 2018 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Агрогрин»², в котором рассматривался вопрос о классификации кормовой добавки для сельскохозяйственных животных и птиц «ДЕТОКС ПЛЮС», суд сформулировал вывод, согласно которому критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. Суд также указал, что предполагаемое назначение товара представляет собой критерий при классификации для таможенных целей. В постановлении Арбитражный суд Центрального округа сослался на правовую позицию Суда ЕАЭС, изложенную в решении Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад», согласно которой перечень товаров, включенных в товарную позицию 3808 ТН ВЭД, является открытым и не ограничен исключительно инсектицидами, родентицидами, фунгицидами, гербицидами, противовсходовыми средствами, регуляторами роста растений, а также дезинфицирующими средствами.

¹ № С-5/15. URL: http://courteurasian.org/court_cases/C-5.15/

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.07.2018 № Ф10-2719/2018 по делу № А62-7504/2017.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 4 апреля 2017 года по делу по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь (Дело о критериях допустимости вертикальных соглашений)³

Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд с заявлением о разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора, посвящённых общим принципам и правилам конкуренции. Пункт 3 статьи 74 предоставляет государствам-членам право закреплять в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора. В своем запросе заявитель просил разъяснить, вправе ли государство-член устанавливать в национальном законодательстве иные критерии допустимости «вертикальных соглашений».

Суд ЕАЭС указал, что Договором не предусмотрено право государств-членов изменять установленные критерии допустимости «вертикальных соглашений», а также что понятие «товарный рынок товара», закрепленное в праве Союза, следует толковать как товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения, а не как любой товарный рынок.

Позиция Суда ЕАЭС воспринята Конституционным судом Республики Беларусь в решении от 28 декабря 2017 года № Р-1117/2017. Конституционный суд Республики Беларусь указал, что с учетом положений пункта 7 статьи 76 Договора из сферы действия Закона о противодействии монополистической деятельности исключаются отношения, урегулированные общими правилами конкуренции на трансграничных рынках, контроль за соблюдением которых относится к компетенции Евразийской экономической комиссии в соответствии с международным договором Республики Беларусь. Конституционный суд Республики Беларусь также уточнил, что критерии отнесения рынка к трансграничному устанавливаются в соответствии с международным договором Республики Беларусь.

Конституционный суд Республики Беларусь также указал, что в силу подпункта 2.2 пункта 2 статьи 22 Закона о противодействии

³ № Р-1/17. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-1.17/

монополистической деятельности допускаются вертикальные соглашения, если доля каждого хозяйствующего субъекта, являющегося участником вертикального соглашения, на товарном рынке товара, являющегося предметом данного соглашения, не превышает 20 процентов. Увеличение размера процентов с 15 до 20 обусловлено необходимостью соотношения данной нормы с подпунктом 2 пункта 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору).

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 20 декабря 2018 года по делу по заявлению ЕЭК (Дело о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза)⁴

Обращение Евразийской экономической комиссии в Суд Союза было обусловлено различным пониманием государственными органами Российской Федерации и Комиссией системы регулирования пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов Союза. В консультативном заключении Суда о разъяснении пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору) сформулирована правовая позиция, согласно которой уровень прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах, в связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 17 июня 2020 года по делу общества с ограниченной ответственностью «Цеппелин»⁵ сослался на сформулированную Судом ЕАЭС правовую позицию в подтверждение недопустимости придания обратной силы решениям ЕЭК, ухудшающим положение физических и (или) юридических лиц.

⁴ № P-5/18. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-5.18/

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 303-ЭС20-816 по делу № А51-24425/2018.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 30 октября 2017 года по делу по заявлению ЕЭК (Дело о свободном движении товаров)

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении положений статьи 29 Договора, посвященной исключениям из порядка функционирования внутреннего рынка товаров Союза. Судом установлено, что пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения. Суд также указал, что государства – члены Союза при регулировании общественных отношений могут вводить ограничительные меры во взаимной торговле товарами до заключения соответствующего международного договора. Вместе с тем национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной.

Выводы Суда ЕАЭС отражены в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2020 года по делу товарищества с ограниченной ответственностью «Молоко-М»⁶ об ограничении движения транспортного средства, перевозившего товар, запрещенный к ввозу на территорию Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации установил, что обеспечение безопасности государства является общепризнанным основанием применения государствами-членами интеграционных объединений в одностороннем порядке не только ответных специальных экономических мер в отношении третьих стран, совершивших недружественные (неправомерные) действия, но также и временных мер ограничения торговли с третьими странами.

Со ссылкой на консультативное заключение Суда ЕАЭС Верховный Суд Российской Федерации указал на допустимость введения в одностороннем порядке государствами – членами ЕАЭС в целях обеспечения безопасности ограничений даже во взаимной торговле, а также важность применения любых мер на пропорциональной основе.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2020 № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 31 октября 2019 года по делу по заявлению ЕЭК (Дело о безопасности колесных транспортных средств)⁷

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд ЕАЭС по результатам проведенного мониторинга и контроля исполнения государствами – членами ЕАЭС положений Договора и решений Комиссии в сфере технического регулирования, выявив различную практику применения положений технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011). В консультативном заключении Суд ЕАЭС сформулировал правовую позицию, согласно которой требование о безопасности носит общий характер и относится ко всей продукции, выпускаемой в обращение, независимо от включения ее в единый перечень и наличия в ее отношении соответствующего технического регламента.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2020 года⁸ по делу общества с ограниченной ответственностью «ВЕЛЕС» и в Определении от 21 мая 2020 года по делу общества с ограниченной ответственностью «ТР-Цемент» Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, сославшись на позицию Суда ЕАЭС, что норма пункта 1 статьи 53 Договора содержит императивное предписание, а установленное в ней требование о безопасности носит общий характер и относится ко всей продукции, выпускаемой в обращение на территории Союза. Это позволило Верховному Суду прийти к выводу, что обеспечение безопасности товаров, выпускаемых в обращение на территории Союза, относится к сфере публичного интереса и сослаться на требования безопасности, установленные в российских ГОСТах.

⁷ № P-3/19. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-3.19/

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 306-ЭС20-387 по делу № А06-2706/2019 о ввозе в Российскую Федерацию товара, происходящего не с таможенной территории таможенного союза, в отношении которого действуют специальные правила подтверждения соответствия продукции техническим требованиям; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2020 № 310-ЭС19-28641 по делу № А84-3151/2018 по делу о ввозе на территорию РФ товара, который подлежит обязательной сертификации.

II. Учет правовых позиций Суда ЕАЭС в нормотворческой деятельности и практике органов исполнительной власти

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 3 июня 2016 года по делу по заявлению сотрудников ЕЭК (*Дело об аттестации*)⁹

Суд ЕАЭС разъяснил порядок аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии. При вынесении консультативного заключения Суд установил, что Положение о проведении аттестации как нормативно-правовой акт органа Союза не только устанавливает норму безусловного приоритета принципа объективности оценки профессиональных качеств аттестуемых сотрудников Комиссии посредством делегирования им права на представление самостоятельно подготовленных дополнительных сведений о своей профессиональной деятельности, но и закрепляет правовой механизм реализации данной нормы сотрудниками.

Позиция Суда ЕАЭС нашла отражение в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 27 мая 2020 года № 54 «О внесении изменения в Положение о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии» (документ не вступил в силу¹⁰), согласно которому Положение о проведении аттестации сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденное Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 98, дополняется пунктом 19.1 следующего содержания:

«19.1. Результаты аттестации учитываются при принятии решения о продлении трудового договора (контракта) с сотрудником Комиссии в соответствии с абзацем девятым пункта 54 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)».

⁹ № P-1/16. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-1.16/

¹⁰ В соответствии с пунктом 2 данный документ вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты официального опубликования (опубликован на официальном сайте ЕАЭС <http://www.eaeunion.org> - 25.06.2020), но не ранее даты вступления в силу Протокола о внесении изменений в Договор от 29.05.2014 в части уточнения механизма формирования кадрового состава ЕЭК.

Решение Большой Коллегии Суда от 21 февраля 2017 года по делу по заявлению Российской Федерации (Дело о взаимном признании решений таможенных органов)¹¹

Суд ЕАЭС рассматривал межгосударственный спор, затрагивающий вопрос транзита товаров, произведенных в Особой экономической зоне Калининградской области, на территорию Российской Федерации и касающийся признания решений одного органа государства-члена органом другого государства в области таможенных правоотношений.

Судом установлено, что в рамках практического применения статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза к решениям могут быть отнесены как властно-распорядительные акты таможенных органов, составленные в форме конкретного (индивидуализированного) документа в печатном или электронном виде, так и решения, принимаемые по результатам проверки деклараций на товар, начала (завершения) таможенных процедур и так далее, формализованные в виде проставления на соответствующих документах печатей, штампов, подписей должностных лиц таможенных органов. Основным признаком, свойственным указанным решениям, – юридически значимые действия таможенных органов, совершаемые в рамках предоставленных им полномочий, и юридически значимые последствия для иных субъектов международных таможенных правоотношений в виде дозволений или ограничений на перемещаемый через таможенную границу Союза товар.

Правовые позиции Суда нашли отражение в Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 139 «О документах, подтверждающих статус товаров Евразийского экономического союза». Подпунктом а) пункта 1 указанного Решения установлено, что в случае перевозки товаров с одной части таможенной территории Союза, не являющейся территорией свободной (специальной, особой) экономической зоны, на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем документами, подтверждающими статус товаров Евразийского экономического союза для помещения таких товаров под таможенную процедуру таможенного

¹¹ № C-2/16. URL: http://courteurasian.org/court_cases/C-2.16/

транзита, являются коносамент, накладная, документ, подтверждающий заключение договора транспортной экспедиции, счет-фактура (инвойс), спецификация, отгрузочный (упаковочный) лист или иные транспортные (перевозочные), коммерческие документы, в которые внесена запись «Товары Евразийского экономического союза», заверенная отправителем или декларантом.

В соответствии с подпунктом б) пункта 1 в случае перевозки товаров с одной части таможенной территории Союза, являющейся территорией свободной (специальной, особой) экономической зоны, на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем документами, подтверждающими статус товаров Евразийского экономического союза, является декларация на товары, в соответствии с которой товары были выпущены в государстве – члене Союза в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления или таможенной процедурой реимпорта, транзитная декларация, подтверждающая ввоз товаров Союза на территорию свободной (специальной, особой) экономической зоны в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, иные документы, используемые в соответствии с законодательством государств - членов Союза.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 20 ноября 2017 года по делу по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики (*Дело о тарифах на железнодорожные перевозки*)¹²

Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики обратилось в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран. Основанием для обращения в Суд явилось различное толкование и различное применение Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору).

¹² № P-4/17. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-4.17/

Суд указал, что унифицированный тариф применим к перевозкам грузов, если железнодорожные пункт отправления и пункт назначения находятся на территориях государств – членов ЕАЭС и потребителем услуги железнодорожного транспорта является хозяйствующий субъект государства-члена Союза, при этом ни количество промежуточных территорий государств – членов ЕАЭС, ни факт транзита через территории третьих стран не имеют значения, тем более, когда перевозка груза транзитом обусловлена особенностями расположения железнодорожных путей сообщения.

Консультативное заключение Суда упомянуто в докладе «Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты», принятом Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 марта 2018 года № 20. Согласно докладу с 1 декабря 2017 года решился вопрос применения унифицированного железнодорожного тарифа при перевозке грузов в/из южные регионы Кыргызской Республики через Республику Казахстан и Республику Узбекистан, а также из/в северной части Кыргызской Республики в/из южные регионы Кыргызской Республики.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 17 декабря 2018 года по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии (*Дело о координации*)¹³

Комиссия рассматривала дело о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках по признакам нарушения пункта 6 статьи 76 Договора, обнаруженным в действиях общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Кама» (далее – ООО «ТД «КАМА»), на трансграничном товарном рынке новых пневматических шин для легковых автомобилей. Необходимо было установить, осуществлялась ли координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств – членов ЕАЭС с учетом того, что предполагаемый координатор заключал договоры, предусматривающие оптовую реализацию указанных шин без права их последующей реализации за пределами административно-территориальных границ государства-члена, на территории которого зарегистрирован соответствующий хозяйствующий субъект. В случае

¹³ № P-4/18. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-4.18/

нарушения положения договора о территории реализации шин предусматривались штрафные санкции. Положениями договоров также предустановлена ответственность покупателей, зарегистрированных на территориях государств – членов ЕАЭС, за действия третьих лиц, которые в последующем осуществляли реализацию приобретенной у покупателя продукции.

По обращению Комиссии с заявлением Судом ЕАЭС дано разъяснение положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному¹⁴ в части заключения «вертикального» соглашения, запрещенного пунктом 4 статьи 76 Договора, и координации экономической деятельности, запрещенной пунктом 6 статьи 76 Договора, которые образуют самостоятельные составы нарушений общих правил конкуренции. Суд установил, что основными критериями разграничения данных запретов являются круг субъектов, характер их взаимодействия и положение в структуре товарного рынка. Суд определил, что: - запрет координации экономической деятельности адресован одному хозяйствующему субъекту (субъекту рынка), в качестве которого может выступать любое физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация государства-члена; - субъект (координатор) не является участником товарного рынка, на котором осуществляют деятельность координируемые им хозяйствующие субъекты (субъекты рынка); - координатор согласовывает действия других хозяйствующих субъектов (субъектов рынка).

Указанные правовые позиции послужили основанием для принятия решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 апреля 2020 г. № 46 «О прекращении рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции» в отношении ООО «ТД «КАМА». Комиссия установила, что запрет реализации товара вне определенной в договоре территории содержится в договорах, заключенных ООО «ТД «КАМА» с хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), на котором оно участвует, а не является результатом согласования действий его контрагентов. С учетом того, что ООО «ТД «КАМА» является участником товарного рынка, на котором осуществляется деятельность координируемых хозяйствующих

¹⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2012 № 29 «Об утверждении Критериев отнесения рынка к трансграничному»

субъектов, Комиссия пришла к выводу об отсутствии в его действиях нарушения пункта 6 статьи 76 Договора.

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 7 декабря 2018 года по делу по заявлению ЕЭК (Дело о профессиональных спортсменах)¹⁵

Коллегия ЕЭК приняла решение от 11 мая 2017 года № 47 «О выполнении государствами - членами Евразийского экономического союза обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза», посредством которого государства ЕАЭС были уведомлены о необходимости исполнения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении трудовой деятельности, осуществляемой профессиональными спортсменами - гражданами других стран, входящих в Союз. Российская Федерация указала, что дополнительные требования к иностранным спортсменам - гражданам государств ЕАЭС являются не ограничениями по защите национального рынка труда по смыслу пункта 2 статьи 97 Договора, а средством реализации государственной политики России в сфере профессионального спорта и направлены на создание условий для подготовки российских спортсменов.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения Комиссии в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к этой категории лиц при осуществлении трудовой деятельности.

Суд ЕАЭС в консультативном заключении указал на обязательство государств-членов не устанавливать ограничения в целях защиты национального рынка труда, а если такие ограничения установлены, то не применять их к трудящимся государств-членов, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка. Соответственно, в отношении трудящихся государств-членов не применяются

¹⁵ № P-3/18. URL: http://courteurasian.org/court_cases/P-3.18/

ограничения, установленные в целях защиты национального рынка труда (лимиты, квоты).

В последующем ограничения в отношении граждан государств – членов Евразийского экономического союза, которые имеют право выступать за спортивные сборные команды государств – членов Евразийского экономического союза, сняты в отношении спортсменов, занимающихся командными видами спорта (приказы Минспорта России от 2 декабря 2019 года №№ 1017-1023 по видам спорта «баскетбол», «водное поло», «волейбол», «гандбол», «регби», «хоккей на траве», приказ Министерства спорта Российской Федерации от 3 декабря 2019 года № 1022 по виду спорта «футбол»).

Суд Евразийского экономического союза

Телефон / факс:

[+375 \(17\) 222 60 98](tel:+375172226098)

Интернет-сайт:

www.courteurasian.org